

МАКНУТОВ

ДЕВУШКИ
МОЕГО МЁРТВОГО
КЛИЕНТА

МАКНМУТОВ МАКНМУТОВ

Девушки моего мёртвого клиента

<https://litres.ru/74494457>

SelfPub; 2026

Аннотация

После смерти клиента Службы наследуемого опыта остаются три кассеты. В каждой — выбранная им линия памяти, предназначенная одной из трёх женщин из его прошлого. Проводник должен передать эти воспоминания адресатам и удержать их в реальности, если чужая память начнёт смешиваться с собственной.

Но память — не запись. Она меняет последовательность, дорисовывает жесты и умеет объяснять своего хозяина лучше, чем он заслуживает.

Чем дальше идут передачи, тем труднее проводнику оставаться только проводником — и тем острее становится вопрос: кому на самом деле принадлежит прошлое, если его помнят двое?

Содержание

ЧАСТЬ I. МЁРТВЫЙ	4
1. Паршивое утро	4
2. За адресами	12
3. Первый адрес	23
4. Собачий вальс	31
5. Кофе в постель	42
6. Первый порог	51
ЧАСТЬ II. ГОЛУБКА	58
7. Белая комната	58
8. Нужный человек	64
9. Верхний слой	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

МАКНМUTOV

Девушки моего мёртвого клиента

ЧАСТЬ I. МЁРТВЫЙ

1. Паршивое утро

Сообщение: «Смерть подтверждена в 04:22. Окно изъятия до 05:22». Ни «доброе утро», ни имени. Хорошее сообщение. Ничего лишнего.

Преставился всё-таки. Ожидаемо.

Мало того что дождь, так ещё и ехать через полгорода.

Этот гул... Знал бы — не напивался так вчера. Хотя кого я обманываю. Знал.

Выпиваю два стакана воды залпом. Из-под крана. Ненавижу металлический привкус, но выбора нет. Минералка закончилась, чайник изнутри пахнет старой половой тряпкой, а до магазина нужно спускаться. Проще умереть от обезвоживания. Но место на сегодня уже занято.

Рубашка липнет к спине. Откуда-то доносится неприятный аромат сыровяленой колбасы. Лёгкий, ненавязчивый.

Колбасы дома нет. Видимо, аромат собственный.

В офисе запасной костюм. Там и в душ схожу. Ещё нужно забрать адреса. Надеюсь, документы готовы.

До приезда такси две минуты, а второго носка нет.

Не помню, как вернулся. Я вообще не планировал вчера никуда ехать. Зашёл выпить один стакан. Потом одного оказалось мало. Бармен предложил двойной. Дальше воспоминания относятся к служебной информации и разглашению не подлежат.

Первый ботинок у двери. Второй под кухонным столом. Носок нахожу в коридоре, за батареей. Влажный. Почему — лучше не знать.

Телефон дрожит на подоконнике. Девушка из офиса. Четвёртый пропущенный.

Перезвонить не успеваю. Она набирает снова.

— Вы где?

Никаких приветствий. Учится.

— Выхожу.

— Из морга уже звонили. Спрашивают, сколько вас ждать.

— Пусть ждут.

— Я знаю. Просто... Чемодан уже внутри, а вас нет.

— Чемодан волноваться не может. Сотрудники морга — могут.

На том конце она шумно выдыхает и переставляет телефон. Раньше в таких местах смеялась. Сейчас не до смеха. Или просто пять утра.

— Первичное изъятие начали без вас, — говорит. — Босс просил напомнить, что личное принятие материала указано в договоре.

— Напомнила.

— И адреса нужно забрать.

— Помню.

— Вы вчера говорили то же самое.

— Значит, последние мозги ещё не пропил.

Она отключается.

Зонта нет. Знал, что надо купить. Не куплю. Опять.

Дождь не проливной, но мочит знатно. Такой даже не пытается выглядеть погодой. Рубашка тут же начинает холодить поясницу. Пар изо рта. Волосы липнут ко лбу.

Надо заехать за сигаретами. Без них к разговорам я не готов.

Такси стоит у соседнего подъезда. Машу. Водитель сдаёт назад, чуть не притирает мусорные баки и останавливается в луже. Подхожу по воде. Отлично.

Колымага. Хотя чего ожидать в такую рань.

Сажусь. Салон не первой свежести. Слово «свежесть» тут вообще уместно? Потолок в жирных разводах, на панели тряпка, когда-то белая, между сиденьями пустой стакан из-под кофе. Пахнет ванильным освежителем и человеком, который живёт в этой машине.

Становится дурно.

— Городской морг? — спрашивает водитель.

Без церемоний. Решил не растягивать удовольствие нашего знакомства.

— Да. Остановите на заправке после поворота. На пять минут.

Косится в зеркало.

В четыре двадцать два клиент умер. После смерти у службы есть примерно час: пока рисунок последних связей ещё можно снять без провалов. Потом сначала исчезают края эпизода, затем последовательность. Завещание может лежать у нотариуса годами. То, ради чего написано наше, портится быстрее рыбы на солнце.

Поэтому в городских моргах стоят наши съёмные блоки, а дежурным доплачивают за срочный вызов и непрофильную работу.

Официально — за оборудование и содействие лицензированной службе. По-человечески — чтобы никто не ждал ещё одну подпись, пока чужая жизнь превращается в шум.

— На этой? — спрашивает водитель.

— Да. Я быстро.

Выходить неохота, но два стакана воды уже сделали своё дело.

Захожу на заправку. Пахнет свежесваренным кофе. Туалет, к счастью, рядом.

— Мужчина, вы куда?

Закрываюсь в кабинке. Плевать. Разберусь с ней позже.

Смачно блюю. Умываюсь. В зеркале два больших фиоле-

товых мешка и остальные участники ансамбля. Левый глаз красный. На подбородке засохшая кровь. Порезался или кто-то помог — не помню.

— Ауу! У нас туалет только для покупателей!

Выхожу.

— Не волнуйтесь. Уже покупаю.

У прилавка беру самые дешёвые сигареты и минералку без газа. Женщина пробивает всё молча. На чеке почему-то два кофе. Спорить не хочется.

Водитель замечает пакет и молчит.

Залпом выпиваю полбутылки. Вода неприятно колышется в желудке. Главное — доехать. Устраиваюсь, подбирая максимально удобную позу из возможных.

— Подъём, — говорит водитель. — Приехали.

Видимо, задремал. Хотя что-то хорошее.

— Ага. Спасибо.

— Вам точно сюда?

— К сожалению, сегодня — да.

Выбираюсь. На двери знак «Не курить». Прямо перед лицом, чтобы человек не ошибся.

Насрать. В такую рань здесь никого.

Закуриваю. Первые две затяжки длинные. Ведёт. Глотаю воды на всякий случай. Надо будет поесть по дороге в офис.

Докуриваю. Дёргаю дверь.

Закрыта.

Звоню. За дверью кто-то подаёт признаки жизни. Медлен-

но. Надеюсь, дежурный не спал и это его обычная скорость.

Щёлкает замок.

— Вам кого?

— Я из организации. Сегодня привезли нашего клиента. Договор на посмертную передачу...

— Да тебя жду. Проходи.

Ненавижу, когда перебивают. Когда они все сговориться успели?

— Дорогу знаешь?

— Не первый раз в ваших хоромах.

Иду прямо по коридору. Потом направо, по лестнице вниз. Формальдегид. Запах смерти. Атмосфера тоже соответствует.

Гул старых ламп входит в резонанс с моим собственным. Ещё и моргают.

Внизу очередная закрытая дверь. Звоню.

Открывает санитар в зелёном халате. Недовольная рожа.

— А ты не торопился. Нам самим пришлось делать твою работу. Каждый раз одно и то же.

Вот же жадный трус. Мог отказаться от денег. Не устоял.

— Время видел? Может, у тебя и нет ничего, кроме работы, но у меня жизнь. Изъял? Проблемы были?

— Не было.

Тычет подбородком в сторону стола. За стулом стоит серый чемоданчик. Спрятал.

Открываю. Три герметичные кассеты, ключ доступа, бу-

мажный журнал первичного снятия. В каждой — одна выбранная клиентом линия памяти. Не копия человека. Только связанный участок, который он успел отметить до смерти.

На странице журнала три предварительные карты: начало, затухание, несколько пиков. Последняя обрывается красной чертой посреди движения. Самого содержания при жизни клиент не видел. Оно появилось сегодня и теперь светится зелёным. Удобно, если не думать, что зелёный означает только «я так помнил», а не «так и было».

На столе под белым покрывалом кто-то лежит.

— Это он?

— А кто ж ещё. Могу познакомить.

Лыбится. Пошляк хренов.

Закрываю чемоданчик.

— Мертвецы по твоей части. Развлекайся.

— Эй, шутник. Бланк на выходе заполнить не забудь.

— Не переживай.

— Вот поэтому и напоминаю.

Гул в ушах усиливается. Иду обратно. У вахтёра вызываю такси, заполняю журнал. Он заставляет переписать номер договора: почерк у меня не эталонный. Особенно с утра, да ещё и с похмелья.

— Это семёрка.

— Похожа на девятку. Пиши как семёрку.

Переписываю. Очень важный человек. Без него смерть не пройдёт по документам.

Выхожу. Закуриваю.

2. За адресами

У круглосуточного таксист ждять отказывается. Остаюсь без еды.

Чемоданчик всю дорогу держу на коленях. На кочках внутри щёлкают замки.

— Хрупкое? — спрашивает водитель.

— Уже не имеет значения.

Больше не спрашивает.

В офис приезжаю без десяти семь.

Организация занимает два этажа бывшего диагностического центра. Серое узкое здание, пандус заканчивается ступенькой. Над входом: «Служба наследуемого опыта». Ниже: «Сохраняем значимое».

Последняя «е» в слове «значимое» не горит.

«Сохраняем значимо». Остальное по возможности.

Охранник спит за стеклом. Пропуск срабатывает со второго раза. Чемоданчик он не замечает, зато просит вытереть ноги. Вытираю. По-прежнему не до споров.

У лифта сидит женщина из закрытого дела.

Сначала узнаю сумку. Клетчатая, хозяйственная, с короткими ручками. Три месяца назад она держала её на коленях всю передачу и не позволяла убрать, потому что внутри были тапочки мужа. Муж в памяти ходил босиком. Тапочки остались ей.

Женщина видит меня, встаёт. Колени сразу возвращают её на стул.

— Вы пришли, — говорит.

— Вообще-то я на работу.

— Мне сказали здесь ждать.

У стойки никого. Охранник уже снова закрыл глаза.

На её запястье бумажный браслет городского приёмного отделения. Дата сегодняшняя. В строке «Сопровождающий» пусто.

— Кто привёз?

— Машина.

— Какая?

— Белая.

На парковке пять белых машин. Отличный ориентир.

Звоню в координацию. Девушка из офиса отвечает со второго гудка. Значит, уже в здании.

— Почему получательница по четыреста восемнадцатому внизу?

Пауза. Клавиши.

— Дело закрыто два месяца назад.

— Она этого не знает.

— Сейчас спущусь.

Женщина гладит сумку. Большой палец ходит по пластиковой клетке туда-сюда.

— Домой адрес помните?

Называет улицу. Дом не помнит. Называет другой адрес.

Тот дом снесли прошлой зимой.

Девушка появляется из лестничного пролёта. Волосы ещё распущены, в одной руке планшет, в другой ключи. Приседает перед женщиной, спрашивает дату рождения, имя врача, номер дочери. На последнее получает три разных ответа.

В медицинском приложении так и висит старая карта: семьдесят восемь лет, сосудистое нарушение. Ещё до передачи она иногда не узнавала дочь.

После передачи остаточный след держался на двадцати семи процентах. Шесть часов не могла назвать день.

Врач отметил сочетание как редкое и запретил отпускать её без сопровождающего. В приложении запрет есть. До браслета запрет не добрался.

Девушка звонит в приёмное. Женщину оформили как социальный случай и отправили по адресу прежнего наблюдения. Перевозчик довёз до шлагбаума и уехал.

Девушка находит дочь в архивной анкете. Та уверена, что мать ночует в больнице, и обещает выехать сейчас же.

— Дочь будет через сорок минут, — говорит девушка. — Можно подождать в комнате. Давайте я возьму сумку.

Женщина прижимает сумку к животу.

— Не надо, — говорю.

— У вас через два часа передача.

— Успею.

— Вы из морга только приехали.

— За полчаса не испорчусь.

На самом деле мокрая рубашка приклеилась к животу, а от воротника пахнет кислым табаком. Утро и морг она уже выдержала. Потерпит ещё немного.

Пока я открываю старое дело, девушка уже запрашивает два часа повторного наблюдения и прикладывает сегодняшней браслет. Босс отвечает сразу, тихо матерится и возвращает делу рабочий статус.

— До приезда дочери она остаётся здесь, — говорит девушка охраннику. — Если снова попросится к выходу, звоните мне, не в приёмное.

Сажусь рядом с женщиной. Она открывает сумку, проверяет тапочки. Коричневые, с продавленной пяткой.

— Он их не взял, — говорит.

— Не взял.

— Значит, вернётся.

— Дождёмся дочери, — говорю.

Девушка приносит чай. Через полчаса женщина перестаёт спрашивать, где выход. Дочь приезжает без зонта, в домашней кофте под курткой. Обнимает мать и, не отпуская, звонит в приёмное.

Я ставлю отметку о передаче живому сопровождающему. Девушка рядом заводит две служебные записи: на приёмное отделение и перевозчика.

— Теперь душ, — говорит она.

— Сначала адреса.

— От вас пахнет колбасой.

— Душ.

Сначала душ.

На двери табличка «Санитарная обработка». Висит с зимы. Я переворачиваю её надписью к стене и закрываюсь.

Вода сначала ледяная. Потом теплеет.

Шрам вокруг старого порта на шее под струёй белеет. Когда порт ставили, женщина с холодными руками держала кожу двумя пальцами и просила не дёргаться, пока паяла разъем у меня на шее. Я отвечал, что могу отличить паяльник от скальпеля. Она говорила, что по поведению незаметно. Тот, кого я в те времена называл другом, за стеклом считал помехи и каждые тридцать секунд спрашивал, не пахнет ли горелым. Пахло. Решили, что изоляция.

Вода становится слишком горячей. Отворачиваюсь.

В шкафчике серый костюм и две рубашки. Провожу ладонью по подбородку. Сойдёт.

Когда выхожу, девушка сидит на моём столе. Рядом кружка, папка и бумажный пакет. Волосы собраны карандашом. Один шнурок развязан. Она всегда замечает, что я не ел. Собственный шнурок — нет.

— Вы ужасно выглядите.

— Я помылся.

Открываю пакет. Солёные крекеры, минералка, две таблетки электролитов.

Забираю минералку. Крекеры оставляю.

— Чемодан в стабилизацию, — говорит она.

— Сначала адреса.

— Сначала проверка пломб.

— Я проверил.

— В морге?

— Там для этого стол есть.

— И санитар с допуском?

— Не придирайся с утра.

— Вообще-то время уже рабочее.

Она берёт чемоданчик. Плечо сразу провисает, но ручку не отдаёт. Уходит в стабилизацию. Шнурок волочится по полу.

Пока её нет, открываю папку.

Три получательницы. Имена скрыты до подтверждения визита. Вместо них обозначения клиента.

Голубка.

Корица.

Суббота.

Человек умирает, но ласковые прозвища переживают его и попадают в юридические документы. Юристам пришлось добавить отдельное поле. Наверняка гордятся.

Рядом названия пакетов.

«Кофе в постель».

«Восемь минут света».

«Дом без хозяев».

Под названиями три значения индекса целостности: девяносто два, восемьдесят шесть, семьдесят один. Чем ниже

число, тем больше в пакете провалов и склеек, которыми память сама залатала недостающее. У третьего вдобавок красная отметка: последнее действие начато, но не закончено.

Девушка возвращается без чемоданчика.

— Пломбы целы. Санитар вписан как первичный оператор. В бумажном журнале указан старый допуск.

— Он закончился четыре месяца назад.

— В реестре продлён под новым номером. Я уже отправила его в морг.

Она садится напротив. Не на стол. Уже прогресс.

— Босс ждёт.

— Пусть.

— Он уже здесь.

Босс появляется без стука. Рубашка выглажена. Лицо тоже.

— Материал принял? — спрашивает.

— Нет, украл в морге чужой чемодан.

— Подпись поставил?

— Поставил.

Он кивает. Кладёт на стол планшет.

— Клиент окончательно подтвердил персонального проводника меньше чем за двое суток до смерти. Замена только при твоей недееспособности.

— Похмелье считается?

— Нет.

— Жаль.

— Три передачи. Первая сегодня, остальные по согласованию. До запуска получательницы вправе отказаться. После — остановить передачу в любой момент. Не уговаривать.

— Я похож на человека, который кого-то уговаривает? Девушка опускает глаза в бумаги. Босс нет.

— Ты сначала делаешь, потом приносишь мне объяснительные.

Он листает дело.

— После сегодняшнего теста и до закрытия — ни капли.

— Конечно.

Девушка приподнимает бровь. Босс не отрывается от планшета.

— Тест перед каждой передачей. И скан следа.

— Знаю.

— Знаешь.

Он всё равно ждёт, пока я кивну.

Остаточный след — то, что чужая память оставляет после выхода из контура. В процентах. Рабочий порог — тридцать. Выше проводник может перестать понимать, чья именно память сейчас перед глазами. Высока вероятность смещения.

Иногда смещение происходит и по иной причине. Клиенты записывают не только своё, но и то, как, по их мнению, действовал кто-то из воспоминаний. Получатель узнаёт место и рефлекторно достраивает его из собственной памяти.

В отчёте всё, чему нельзя назначить одного хозяина, называют смещением источников. Между собой обычно гово-

рим: «поплыло».

— Тридцать, — говорит босс. — Не двадцать девять и не тридцать один.

— Число я помню.

— Начнёшь плыть — обрываешь контур. Нарушишь — отстраняю.

— Клиент запретил замену.

— Тогда дело встанет. Получательницы подождут, пока ты снова станешь пригоден.

Он листает дальше. Планшет отвечает не сразу.

— После окончательного подтверждения он дело открывал? — спрашиваю.

— Зачем тебе?

— Затем.

Босс всё-таки смотрит.

— Два раза. Позавчера в четырнадцать сорок — подтверждение проводника. Вчера в двадцать три десять — третье обращение.

Из палаты я вышел в четырнадцать двадцать.

— Он не мог писать.

— Диктовал.

— Кому?

— Не указано.

— Прочитать можно?

— При передаче.

Босс закрывает планшет. Уходит.

Девушка достаёт карманный алкотестер, вставляет новый мундштук.

— Дуйте.

Прибор пищит и показывает следы ниже рабочего порога.

— Повезло, — говорит.

— Это называется метаболизм, — уточняю.

Открывает первый адрес. Коттеджный район на окраине. Под карточкой пометка клиента: «Она будет спокойной. Не верьте».

— Это часть обращения? — спрашивает девушка.

— Нет. Отдельная заметка проводнику.

— Ей показывать?

— Нет.

Девушка перечитывает строку. Губы шевелятся.

— Такие заметки должны скрывать до первичного разговора, — говорю. — Чтобы проводник смотрел своими глазами.

— Скрыть?

— Уже поздно.

Загибаю угол карточки. Строка уходит внутрь и всё равно остаётся на месте.

— Вы теперь будете ждать, что она спокойная, — говорит девушка.

— Или что притворяется.

— А если просто спокойная?

— Такого варианта он мне не оставил.

Девушка кладёт карточку обратно загнутым углом наружу.

— Машина через пятнадцать минут. Я вызвала служебную.

— Водитель всё-таки существует?

Она протягивает крекеры. Я беру два.

— И ещё, — говорит. — Получательница просила не опаздывать.

— Все просят.

— Вы опаздываете только к тем, кто просит.

Ответа у меня нет.

Улыбается всё-таки. Дурочка.

Я забираю папку и иду за чемоданчиком.

В коридоре пахнет горелым хлебом. Кто-то опять засунул в тостер сыр. Сигнализация не срабатывает. Её отключили после прошлого раза.

3. Первый адрес

Богатенький район с коттеджами на окраине города. Получательница номер один — ...

Ах да. Имени в документах нет. «Голубка».

Нужный дом не самый большой, но выделяется. Минималистичное одноэтажное здание с плоской крышей и окнами во всю стену. Забор увит плющом. Низкорослые ели ухожены лучше большинства детей с окраин. Дорожки отсыпаны песком и светлым щебнем.

Сложно представить, что за этими стенами скрывается творческая натура. Хотя преуспевающая творческая натура, видимо, может позволить себе порядок.

Водитель выгружает чемоданчик у ворот.

— Тяжёлый, — говорит.

— Есть такое.

Водитель замечает зелёную пломбу.

— Передача?

— Чужая жизнь.

— Да понял я. Оборудование.

Отворачивается. Даже теряться не стал. Видимо, не первый чемодан.

Дорожка хрустит под ногами. Чемоданчик бьёт по колену. Вчера нужно было меньше пить. Позавчера тоже. Можно продолжать долго и всё равно не дойти до отправной точки.

Или...

Звоню.

— Добрый день. Я из службы. Меня зовут...

— Да-да, входите, меня предупредили.

Замок щёлкает. Дверь приоткрывается. Захожу в прихожую — никто не встречает.

В нос ударяет влажность и резкий запах озона.

Любительница растений?

— Верхние вещи оставьте на вешалке и проходите в гостиную. Я почти закончила.

Голос из глубины дома. Неприятно спокойный.

К мужскому пальто добавляю свою куртку. Хозяина не слышно. В карточке ближайшим контактом указан муж, время возвращения — к двум. Не будь клиент таким дерьмом, пальто могло быть и его.

Прохожу в гостиную.

Папоротники, цветы, фикусы, пальма в кадке. Что-то ползёт по стене к потолку и явно побеждает. Между горшками работают увлажнители. Воздух прохладный. Ладони тянутся к локтям.

На диване неторопливо вылизывается пушистая серая кошка. В породах не разбираюсь. По взгляду — собственник помещения.

Ставлю чемоданчик рядом и сажусь в свободное кресло.

— Вы меня простите — вдохновение, — доносится из соседней комнаты. — Надеюсь, сможете понять. Ещё пару ми-

нут — и я к вам присоединюсь.

Пишет?

Клиент говорил, что она преуспела. Даже выставляется за рубежом. В карточке профессия указана нейтрально: «художник». Словно бывают нейтральные художники.

В доме мало вещей. Ни фотографий на стенах, ни сувениров, ни книг, которые кладут на стол, чтобы гости заметили. И всего одна картина.

Реплика того самого «Чёрного квадрата».

Возможно, её работа. Очень удобно. Если что, всегда можно сказать, что в этом и вся концепция.

Хочется пройтись. Ноги затекли. На этом кресле вообще кто-нибудь сидел? Подушка не проминается. Спина сразу начинает болеть в месте, о котором до кресла не знал.

Кошка заканчивает, потягивается и спрыгивает. Уходит в соседнюю комнату. Оттуда шорох. Потом лёгкий стук.

Закончила?

Часов нигде нет. Телефон оставил в куртке. Сколько уже сижу? Три минуты? Десять? Становится тревожно. Разминаю затылок.

Хозяйка неторопливо появляется в проёме.

На указательном пальце у неё прозрачный лак. Не маникюр — вязкая капля дошла до сустава и засохла. В руке тонкая кисть, обёрнутая влажной салфеткой.

— Извините, — говорит. — Я рассчитывала закончить к вашему приезду. Верхний слой лёг неравномерно. Если оста-

вить до вечера, придётся снимать весь.

— Мы можем перенести, если неудобно.

— Не могу. Во вторник в шестнадцать приедет перевозчик. В среду работа должна быть на таможне, двадцать второго — в галерее. Помощница заболела позавчера. Муж вернётся к двум. У меня плотный график.

Она перечисляет без жалобы, как даты на обороте холста.

— Сколько займёт подготовка? — спрашивает.

— От сорока минут. Сама передача зависит от пакета. После — не меньше часа наблюдения.

— В договоре было «до трёх часов».

— Это среднее.

— Мне нужно верхнее.

— Шесть.

За её спиной всё-таки есть часы: круглые, с красной секундной стрелкой.

— Тогда с перевозчиком решу сейчас.

Достаёт телефон, набирает помощницу и переносит доставку на утро среды. Называет номер ящика, температуру хранения и просит записать, что подпись мужа не подходит. Слушает повторение, поправляет одну цифру. Только после этого убирает телефон.

— Где же мои манеры... Вы, наверное, с дороги. Чай или кофе? Я сейчас разогрею.

— Всё в порядке. Мне, пожалуйста, коф... Хотя нет. Лучше чай.

А она ничего.

Клиент хоть и тот ещё ублюдок, но вкус у него явно был. Она знала, что я приду, и всё равно встретила меня в несвежем сером шёлковом костюме и пушистых розовых тапочках. Русые волосы собраны в пучок на затылке.

Сколько ей сейчас? Не дал бы больше тридцати пяти, если бы не знал её прошлого. Потом замечаю руки. Там возраст честнее.

Она уходит к барной стойке. Возвращается с чашкой на блюдце. Ложечка, лимон. Два кубика сахара уже тают в чае.

Ставит чашку рядом с креслом, садится на край дивана. Кошка возвращается и сразу укладывается возле неё. Четыре глаза — одна претензия.

— Итак, — говорит хозяйка. — Значит, это его последнее желание.

— Можно сказать и так. Предсмертное распоряжение.

— Последнее желание звучит лучше.

Пальцы на кошачьей спине останавливаются.

— Вы одна из трёх получательниц. Клиент выбрал воспоминание о времени с вами. Смотреть будете не со стороны: его тело, чувства, то, как он тогда всё понял и в итоге запомнил. Это может не совпасть с вашей памятью. Если станет слишком тяжело...

— Я читала, — перебивает она и тут же качает головой. — Нет, подождите. В сети всё написано так, будто это кино в голове.

— Это не кино.

— Он будет... Нет, глупость. Он мёртв. Я хотела спросить: я пойму, где заканчивается он и начинаюсь я?

— Не всегда сразу. Для этого я останусь в контуре.

Кажется на удивление спокойной. Верить ли? Немало времени прошло. Люди умеют хранить старое спокойно, убрав его в тёмный угол на чердаке.

— В любом случае обязан предупредить. Некоторым становится дурно. Бывает мигрень, бессонница, временное присвоение чужих ощущений. И беречь старые раны обычно больно. До запуска вы вправе отказаться. После запуска — потребовать остановку в любой момент.

— Я понимаю. Но отказаться не могу.

— Почему?

Пальцы гладят кошку вдоль спины. Один раз, второй. На третьем кошка дёргает хвостом.

— Он звонил мне одиннадцатого января, — говорит она.

— В семь двадцать вечера. Я не ответила. Потом ещё раз двадцать третьего февраля, днём. И в мае, когда у него, видимо, уже началось лечение. Я каждый раз записывала дату в календарь.

— Перезванивали?

— Нет.

— Почему?

— Не смогла. Смотрела, пока телефон не замолкал. Если отвечу, придётся либо впустить его обратно, либо снова вы-

гнать.

Кошка перебирается к ней на колени.

— Он был частью моей жизни. Большой. Нет, не так...
Долгой частью.

Пауза.

— Сейчас его нет. А звонки были. И кассета есть. Этого пока достаточно. Только не просите раскладывать всё по полочкам.

Я не удивляюсь. Всем любопытно. Отказываются лишь немногие.

Достаю форму информированного согласия.

— Стандартная форма. Распишитесь возле галочек — и можем приступать.

Серые глаза полны решимости. Или я уже придумал? Она берёт бумагу и подходит к стойке за ручкой.

Странно это. Обычно получатели теряются в догадках или ожидают в растерянности. А у этой есть цель.

— Вы его знали? — спрашивает, не оборачиваясь.

— По договору.

— Живым.

— Встречались несколько раз.

Ручка останавливается над листом.

— Это обычно?

— Нет.

— Почему он захотел встретиться именно с вами?

— Хотел познакомиться.

— Я спросила, почему.

— Хотел познакомиться, — повторяю.

Он нашёл обо мне то, чего нет в профиле.

И пришёл проверять лично.

Она выравнивает лист по краю стойки.

Хозяйка ставит первую подпись.

На крышке кассеты под прозрачным пластиком написано:

«Кофе в постель».

И почему-то вспоминается музыка.

Дешёвый автомат. Почти пустой зал. Почти три часа дня.

«Собачий вальс».

4. Собачий вальс

Четыре месяца назад. Бар на Одиннадцатой улице, возле станции Второй линии метро.

Чёрт, а ведь я говорил боссу, что это уже слишком. Знакомство с клиентом. Кто вообще так делает? Я не привык видеть их живыми. Хорошо хоть место разрешил выбрать.

Обычно я не появляюсь здесь раньше восьми. Находиться в баре днём странно. Как увидеть учителя в магазине или собственную кровать на улице. Вещь вроде та же, а смотреть неприятно.

Какой-то забулдыга уже перебрал и копается у музыкального автомата. В зале две женщины за сорок перебивают кому-то кости под пиво с сигаретой. Одна говорит громче, вторая согласно кивает и стряхивает пепел в пустую чашку.

За стойкой свободно.

Сажусь на привычное место. Рабочий кейс ставлю у правой ноги.

— Ты сегодня рано, — говорит бармен. — Случилось чего?

Вообще, он мне нравится. Здоровяк, который не любит чесать языком. Хожу сюда не первый год, а имени его не знаю. Буквально ничего о нём. Разве может быть лучше?

— Как бы сказать... Сегодня я по работе. Мне как обычно. Даже не удивился. Интересно, поверил? По его лицу слож-

но понять хоть что-то.

Ставит передо мной стакан.

— Двойной фирменный со льдом.

— Благодарю.

«Фирменный». До сих пор смешно. Так здесь называют самый низкосортный виски, который удалось купить законно. Название попадает в заведение идеально.

Делаю глоток. Спирт обжигает язык. Лёд отдаёт морозилкой.

Из автомата внезапно грохает «Собачий вальс».

Я оборачиваюсь.

— Наконец-то! — кричит забулдыга. — Я уж думал, напрасно всадил туда всю мелочь.

Он с улыбкой направляется ко мне.

Я отворачиваюсь.

— «Собачий вальс»... Правда, странно? — говорит уже рядом. — В жизни встречал немало небывалой херни, но собак, танцующих вальс, — никогда. Равно как и играющих в покер.

Оставляю его остроумие без внимания. Смотрю на стакан. Забулдыга пританцовывает рядом, явно подбирает слова для новой попытки выйти на контакт.

— А ты, я смотрю, не из болтливых. Жаль. Если судить по кейсу возле стула, именно ты мне и нужен, приятель. Или лучше тебя называть — проводник?

Чёрт. Ещё нет трёх, а он уже успел изрядно накидаться.

Смертнику полагается скидка, но мне от этого легче не становится.

Поворачиваюсь.

Выглядит почти здоровым. Худой, но не болезненно. Пиджак сидит свободно, кожа вокруг глаз желтоватая. Волосы зачёсаны назад. На правой руке тяжёлое кольцо без камня. Улыбка человека, который входит в чужую комнату и сразу переставляет стулья.

— Здравствуйте. Так это вы...

Перебивает. Протягивает худую руку.

— Да, да, да. Я клиент, ты проводник. На этом и условимся.

Не отпуская ладонь, тянет меня в сторону зала.

— Приятель, час суда ещё не пробил. Предлагаю занять более комфортные места на трибуне.

Я неохотно слезаю со стула, поднимаю чемоданчик и плетусь к столу, который он так старательно обхаживает.

— Ему повторить, — кричит бармену. — А мне две порции вашего лучшего бурбона. У меня сегодня событие.

— Какое? — спрашиваю.

— Наше знакомство.

— Тогда одной будет достаточно.

Бармен берётся за бутылки. Я выбираю место почище. Клиент садится напротив и продолжает улыбаться.

— Твой босс сказал, что обычно это не входит в программу, — произносит. — Так я у тебя первый?

Что-то странное в его взгляде. И слова выбирает с двойным смыслом. Мы ещё не познакомились, а человек уже вызывает стойкое раздражение.

— Верно. Обычно мы приезжаем, когда всё уже закончилось. То есть когда договорные обязательства вступили в силу.

— Когда клиент сыграл в ящик?

Улыбка становится шире.

Бармен приносит напитки. Клиент залпом опрокидывает первую порцию бурбона. Я отпиваю из своего бокала.

— Я сказал то, что хотел сказать.

— Нет. Ты сказал «обязательства», потому что не захотел сказать «умрёте».

Не знаю, дело в близости его конца или это личная особенность, но во взгляде есть что-то неприятное. Он смотрит не в глаза. Будто ищет за ними дверь.

Простой прогулкой не отделаюсь.

— Вас интересует процесс извлечения? Или то, как будут проходить передачи?

— Ты не ответил, приятель. Так не пойдёт. Или напомнить, что наши посиделки оплачены?

Вот же ублюдок. Заказал меня, словно шлюху, на несколько встреч. Мне теперь его развлекать?

Он опрокидывает вторую порцию и сразу показывает бармену два пальца. Переводит взгляд на мой бокал.

Я пью.

— Этика, — говорю. — Профессиональная. Даже если мы сидим и выпиваем, я на работе. Вы должны это понимать.

— Должен?

— Желательно.

— А если не пойму?

— Ничего. Вы клиент. Вам можно.

— Уже лучше.

— Что именно?

— Ты хотел сказать, что тебе всё равно. Или что-то вроде. Пока за работой плохо слышно.

— Вы пока не покойник.

— Вот поэтому ты и стараешься.

Я смотрю на бармена. Тот протирает стакан и совершенно точно слушает. Хорошо, что имени не знаю. Перед свидетелем без имени хотя бы не так стыдно.

— Зачем вы хотели встретиться? — спрашиваю.

— Познакомиться.

— Уже познакомились.

— Нет. Я узнал, что ты пьёшь днём на работе и не любишь говорить прямо. Остальное впереди.

— В рабочем профиле есть квалификация и процент успешных передач.

— Я читал.

— Тогда достаточно.

— Для доставки посылки — да.

— Я и есть доставка.

Клиент наклоняется вперёд.

— Тыходишь в мои воспоминания вместе с ними. Чувствуешь моё тело, страх, желание, всё то, что я решил оставить. А потом будешь держать их за руки. И хочешь, чтобы я доверил это рейтингу?

— Вы уже подписали договор.

— Поэтому хочу понять, кому заплатил.

— Деньги получила организация.

— Я знаю.

Он снова улыбается и начинает рыскать по карманам пиджака. Сначала во внутреннем. Потом в боковом. На секунду кажется, что забыл, где лежит нужное. Вскидывает брови, достаёт увесистую пачку купюр, перетянутую банковской лентой.

Кладёт передо мной.

— Предлагаю пари.

— Нет.

— Ты даже условий не знаешь.

— Поэтому легко могу отказаться.

Он снимает ленту. Купюры крупные. Новые.

— Эта пачка твоя. Держи. Но есть условие. Каждый раз, когда будешь нечестен со мной или с самим собой, возвращаешь одну купюру. Не отвечаешь — купюра. Врёшь — купюра. Лукавишь, увиливаешь, прячешься за этикой — тоже купюра. Смысл понятен?

— Кто определяет, честен я или нет?

— Сначала я. Потом, надеюсь, ты.

— Удобно.

— Мне осталось несколько месяцев. Уже поздно строить отношения на равных.

Говорит без паузы. Как возраст или номер столика.

— Это взятка.

— Взятка? За что?

— За ответы.

— Нет. Ответы я уже купил у твоего босса. Это оплата за ложь, от которой ты откажешься.

— Большая вера в человека, которого видите впервые.

— Никакой веры. Поэтому наличные.

В пачке несколько моих месячных окладов. Достаточно, чтобы перестать считать встречу странной и начать считать опасной. Клиент протягивает деньги с той же беззаботной улыбкой и сверлит взглядом. Чего ему вообще нужно?

— Останешься при деньгах или уйдёшь ни с чем — решать тебе. Ну как, приятель? По рукам?

Бармен приносит ещё две порции и тарелку с горячими бутербродами. Клиент бутерброды не заказывал. Бармен ставит их ближе к нему.

— От заведения, — говорит.

— Здесь никогда ничего не было от заведения, — добавляю.

— Сегодня есть.

Клиент смотрит на расплавленный сыр. На секунду улыб-

ка исчезает. Он берёт кусок, откусывает слишком много, долго жуёт и запивает бурбоном. Горло сокращается с усилием.

— Великолепно, — говорит. — Когда умру, завещаю бару звезду.

— Сначала доешь, — отвечает бармен.

Отходит. Уверен, для клиента он не менее безымянный.

Пачка лежит между нами. Банковская лента свёрнута кольцом. Я беру деньги под столом, большим пальцем прогоняю плотный край. Купюры одинаковые, новые. Считать при нём не хочется сильнее, чем взять.

— Большая сумма? — спрашивает клиент.

— Для меня — да.

— Уже честно.

— Это открытые данные. Организация не скрывает наши зарплаты.

— Не порть момент.

Складываю пачку обратно.

— Деньги нужно оформить приложением к договору.

— Оформляй.

— Налог.

— Плати.

— Босс может запретить.

— Тогда вернёшь. Одной пачкой. Не по правилам игры.

— Вы с боссом заранее договорились?

Клиент облизывает треснувшую губу. Бурбон попадает в

ранку, он морщится.

— Заранее я договорился со всеми, — говорит. — С моргом, архивом, техниками, тремя женщинами, хотя они пока об этом не знают. Удивительно, сколько людей требуется человеку, чтобы правильно умереть.

Фраза звучит подготовленной. После неё он ждёт. Я ничего не говорю.

— Не понравилось? — спрашивает.

— Не думаю, что можно договориться с тем, кто о договоре не знает.

— Хорошо. Про женщин вырежу.

Берёт второй бутерброд, но только ломает корку.

— Почему три? — спрашиваю.

— Женщины?

— Передачи, — добавляю.

— Потому что четыре было бы пошло.

— Серьёзно.

— Я серьёзно. Три держатся в голове. Начало, середина, конец. Или вина, любовь и что там обычно ставят третьим.

Он пытается щёлкнуть пальцами. Не получается. Кольцо ударяет о стол.

— Искупление? — предлагаю.

— Нет. Ненавижу. Это когда один страдает и считает, что всем стало легче.

— Тогда зачем?

Клиент проводит пальцем по краю пачки в моих руках.

— Я выбирал не по системе. Сначала одну память. Потом вспомнил другую и понял, что без неё первая врёт. Добавил третью, чтобы вторая не стала оправданием. Потом захотел заменить все три. Техник сказал, ещё одна замена — и он расторгнет контракт.

— Какие были раньше?

— Ярче. Там было много красок.

— Почему убрали?

— Там я знал, куда поставить камеру.

Он произносит уверенно, но потом хмурится.

— Хотя одна была хорошая. Вокзал. Нет, вокзал остался внутри первой. Или не остался. Вы увидите.

На столе дрожит его телефон. Напоминание: «таблетки, 15:00». Сейчас четырнадцать пятьдесят семь. Клиент смахивает и продолжает смотреть на меня.

Через минуту телефон вибрирует снова.

— У вас лекарства, — говорю.

— У меня пари.

— Одно другому не мешает.

— Мешает стакан.

Он всё-таки достаёт из внутреннего кармана блистер. Две таблетки выпали из ячеек и крошатся где-то в подкладке. Клиент собирает белый порошок кончиком пальца, облизывает. Бармен ставит воду, не спрашивая.

— Не смотри так, — говорит клиент.

— Как?

— Будто уже знаешь финал.

— А вы его разве скрываете?

— Я сообщил примерную дату. Это не финал.

Он запивает таблетку, часть воды стекает по подбородку.

Вытирает рукавом и снова надевает улыбку. Чуть криво.

— Берёшь? — спрашивает, указывая на деньги.

Кладу пачку во внутренний карман. Он оттягивается от веса.

Поднимаю бокал. Делаю вид, что предложение несколько меня не смутило.

Стекло мелко дрожит в руке.

Сука.

5. Кофе в постель

Колпачок ручки щёлкает.

Гостиная возвращается. Пальма, серый диван, кошка. Получательница стоит у барной стойки с подписанным бланком.

— Вы не ответили, — говорит.

— На что?

— Почему он выбрал вас.

— Понравился мой рейтинг.

Нужно вернуть купюру человеку, который уже лежит в морге. Неудобно.

— Ему нужен был человек, который не выдаст красивую версию за объяснение, — добавляю. — И не скажет вам, что вы обязаны были понять из неё.

— А вы не скажете?

— Нет. Не входит в услугу.

Забираю форму. Все подписи на месте. Почерк мелкий, ровный. Ни одной лишней линии.

— До подключения нужна проверка, — говорю. — Давление, пульс, порт, список препаратов.

— Всё в анкете.

— Анкета не лежала без сна и не пила вчера.

— Я не пила.

— Значит, проверим только вас.

Она впервые улыбается. Кошка приподнимает голову.

Раскрываю чемоданчик на журнальном столике. Внутри три кассеты и складной контур. Две другие остаются под пломбой. Первую достаю осторожно. На боку зелёный индикатор. Под прозрачной крышкой название и обозначение получательницы.

ГОЛУБКА.

Она читает.

— Можно убрать?

— Название пакета?

— Нет. Это.

Показывает на прозвище.

— Можно заменить в локальном интерфейсе. Архивная запись останется.

— Тогда не тратьте время.

— Вы его не любили?

— Клиента? Это вам для анкеты или просто любопытно?

— Для оценки эмоционального риска.

— Любила. Прозвище ненавидела.

— Почему не попросили не называть?

— Просила.

Придвигает чашку, к которой я так и не прикоснулся. Два кубика сахара почти растворились.

— Я не заставляю, — говорит она, улыбаясь.

Беру чашку. Делаю глоток. Слишком сладко.

— Хороший чай.

Было время, когда мне бы пришлось отдать купюру за такое. Она смотрит на свои руки. Ничего не отвечает.

Разворачиваю контур: три опоры, стабилизатор, два контакта. Один соединит кассету с её портом, второй — с моим. Она окажется внутри воспоминания. Я войду следом, слабее и чуть в стороне.

На деле края быстро исчезают. Чужой страх не становится слабее от цифры на экране. Разница одна: дорогу назад обязан вспомнить первым я.

— Лечь можно на диван, — говорю. — Голову ближе к подлокотнику. Кошку придётся убрать.

— Подождём немного. Она и сама уйдёт.

Кошка не уходит. Приходится поднять. Тёплая, тяжёлая. Сразу выпускает когти и цепляет рукав.

— Вот же...

— Она вас просто ещё не знает.

— Может, и так, но мнение уже составила.

Получательница забирает кошку, ставит на пол. Та уходит к пальме и садится спиной.

— Во время передачи можете сказать «стоп», поднять левую руку или дважды сжать мою ладонь. Последнее надёжнее: контур подаст красный сигнал. Если сможете ответить, я уточню; если нет — остановлю сразу.

— Я должна держать вас за руку?

— Нет. Можно датчик, просто он реагирует чуть медленнее.

— Тогда давайте датчик.

Видимо, чужие руки — это уже слишком.

Вкладываю датчик в её левую ладонь. Ремешок креплю к запястью. Проверяю порт за её ухом. Современный, почти без шрама; такие давно ставят не только для передач. Мой старый порт белеет плотной полосой на шее. Ранние модели ставили так, будто хотели не подключить человека, а поместить.

Первый разъём для моего порта собирали вручную. Женщина с холодными руками сидела на полу лаборатории, потому что провод от стенда не дотягивался до стола, и паяла контакты через увеличительное стекло. На третьем часу сказала, что следующий порт я буду собирать сам. Я сказал, что тогда он убьёт первого испытуемого. Она ответила: «Зато в списке авторов наконец окажется нужное имя».

Я смеялся. Она нет.

Получательница наклоняется к старому разъёму. Палец скользит по краю и задевает шрам.

— Болит?

Отступаю раньше, чем успеваю подумать.

— Обычно нет. Только когда трогают.

— Можно было предупредить.

— Всё нормально. Вы уже проверили.

Виноватый взгляд опускается к ногам.

— Вы будете чувствовать то же? — спрашивает.

— Не полностью.

— Насколько?

— Достаточно, чтобы вести.

— Опять не ответили.

— Процентов тридцать от общей мощности сигнала.

В хорошей передаче — пятьдесят. При отскоке бывает больше. Ей это знать не нужно.

Давление в норме. Пульс семьдесят четыре. Мой сто два. Прибор показывает рядом, и она замечает. Алкотестер снова ниже порога. Остаточный след — ноль.

— Вы волнуетесь?

— Похмелье.

— Вы сказали, проверяют алкоголь.

— Проверяют. Оказалось, похмелье не считается.

Она ложится. Серый шёлк собирается складками на животе. Розовые тапочки остаются у дивана. На правом безымянном пальце тонкое кольцо. Не его.

Открываю пакет.

На экране короткое обращение.

«Я не прошу простить. Просто хочу, чтобы ты поняла, что для меня всё это было так же непросто».

— Прочитать вслух? — спрашиваю.

— Уже прочитали про себя.

— Это служебная формулировка. Я обязан спросить.

— А если скажу нет?

— Запускаем без обращения.

— Значит, запускаем.

Закрываю окно.

Клиент не предусмотрел. Хорошее начало.

— Последнее подтверждение, — говорю. — Вы понимаете, что память субъективна и может содержать ошибочные объяснения?

— Понимаю.

— Согласны продолжить?

— Да.

— Где вы сейчас?

— У себя дома.

— День?

— Воскресенье.

— Что держите в левой руке?

— Датчик.

— Если потеряете ориентацию, я задам те же вопросы.

Подключаю свой контакт. У основания черепа пробегает холодок. Потом игла боли проходит к зубам.

Белый свет внутри кассеты становится ярче.

Первым приходит запах кофе.

Не картинка. Никогда не картинка.

Тело получает чужое состояние и пытается придумать ему причину. Тёплое одеяло на коленях. Сонная тяжесть в руках. Неловкая радость. Страх расплескать чашку.

Потом комната.

Спальня маленькая, не этого дома. Потолок с жёлтым пятном. За окном дождь, летний, тяжёлый. Я — он. Знаю без

слов.

В руках поднос. Две чашки, сахарница, тарелка с подгоревшим хлебом.

На кровати спит молодая женщина. Волосы закрывают лицо. Одна ступня торчит из-под одеяла. Живот уже заметен даже лёжа.

Он ставит поднос рядом и смотрит.

Не на лицо. На пятку. Сухая кожа, маленькая трещина сбоку. Хочет потом купить крем. Мысль остаётся. Крем не покупает.

Женщина открывает один глаз.

— Если это кофе, врач тебя убьёт.

— Цикорий.

Она пробует. Морщится.

— Кофе, который мёртв, но очень старается доказать обратное.

— Неблагодарная.

— Хлеб из этой же серии?

Он смеётся. Ложится рядом поверх одеяла. Она берёт его ладонь и кладёт на живот.

Поднос стоит криво, одна чашка медленно ползёт к краю. Он замечает, но не встаёт. За стеной сосед включает дрель, сверху кто-то роняет ведро, во дворе ругаются из-за машины, перекрывшей выезд. Женщина слушает всё это с закрытыми глазами и перечисляет, что нужно сделать до четверга: забрать анализы, вызвать мастера по окнам, купить малень-

кие простыни, которые почему-то стоят дороже больших. Он отвечает не по порядку, обещает мастера и забывает про анализы.

Она спрашивает, успеет ли он закончить монтаж до рождения. Он говорит, что монтаж почти готов. На диске лежат только подписанные папки и три минуты черновика. В ту минуту это не кажется ложью: фильм уже существует у него в голове, а разница между существующим и сделанным всегда раздражала его меньше, чем остальных.

Чашка всё-таки доходит до края. Голубка ловит блюдце, кофе проливается на простыню.

— Вот и завтрак в постель, — говорит она.

Они снимают простыню вдвоём. Она тянет на себя, он мешает коленом, подгоревший хлеб падает коркой вниз. Несколько минут память не выбирает главного. Остаются мокрое пятно, её волосы у его лица и ладонь, которую он снова находит под одеялом.

Они лежат рядом. Кофе остывает, плечо женщины остаётся тёплым. Он чувствует такое спокойствие, что сразу начинает бояться. Ребёнок толкается, и мир сужается до ладони.

Получательница на диване резко втягивает воздух.

Контур держится.

Он прижимает ухо к животу.

— Похож на стиральную машину, — говорит.

— Передам ему твоё первое впечатление.

— На мою старую. Когда отжимает.

— Ещё лучше.

Женщина запускает пальцы в его волосы.

6. Первый порог

Комната меняется без предупреждения.

Теперь на полу доски, винты и листок с инструкцией. Нарисованный мужчина собирает детскую кроватку за четыре движения. У него правильная отвёртка и счастливая семья.

У клиента пока ни того, ни другого.

Большой палец саднит. Отвёртка сорвалась и содрала кожу.

Из кухни голос:

— Ты опять поставил бортики наоборот.

В нём улыбка.

— Они одинаковые с обеих сторон.

— И даже так ты умудрился ошибиться.

Молодая Голубка выходит с кружкой. Волосы собраны бельевой прищепкой. На ней широкая мужская майка и трусы. Живот мешает пройти между коробкой и стеной. Она толкает коробку ногой.

Клиент смотрит на полоску кожи под майкой. Желание появляется быстро. Следом страх: нельзя, навредит, спросить неловко.

— Не ходи босиком.

— Я не хожу. Я стою.

— Пол холодный.

— Ты кроватку собираешь третий час.

— Инструкция для идиотов.

Она смеётся. Клиент хочет сказать, что любит. Вместо этого снова крутит винт.

«Люблю» кажется слишком большим для комнаты с пятном на потолке. Винту нужна только отвёртка.

Телефон звонит на подоконнике.

Клиент видит номер студии и не берёт.

— Ответь, — говорит Голубка.

— Потом.

— Третий раз звонят.

Телефон замолкает. Через секунду сообщение.

Северное море. Документальная группа. Две недели. Первый самостоятельный фильм за последние два года.

Клиент уже видит кадры: ржавый корабль, белая ночь, люди в оранжевых куртках. Будущая работа возникает ярче настоящей комнаты.

— Что там? — спрашивает она.

— Ничего.

Память не перескакивает сразу. Несколько дней остаются в той же комнате и накладываются друг на друга так, как бывает только с повторяющимся бытом. Утром клиент переставляет кроватку от окна, вечером возвращает обратно. Голубка стирает детские вещи и развешивает на верёвке над ванной. С потолка сыплется штукатурка, хозяин квартиры обещает прийти и не приходит. На столе растёт стопка счетов. Клиент складывает их в ящик подальше от глаз.

Со студии звонят ещё дважды. Сначала продюсер говорит про редкий доступ к кораблю. Потом про деньги. Сумма закрывает аренду на три месяца и оставляет на коляску, которую Голубка показала в магазине, но сама назвала безумно дорогой.

Клиент отвечает, что подумает.

Вечером Голубка сидит на полу у кровати и сортирует крошечные рубашки. Одну держит двумя пальцами, не понимая, где перед.

— Тебе звонили из студии? — спрашивает.

— Они многим звонят.

— Я не про многих.

Он садится рядом. Колено упирается в коробку с винтами.

— Есть съёмка. Далеко.

— Когда?

— После родов.

Склейка. Это уже вторая версия. Она смотрит на него, потом складывает рубашку правильно и кладёт в стопку.

— Хорошо, — говорит.

Клиент слышит согласие.

На следующий день он подписывает договор в коридоре студии. Ручка не пишет, администратор даёт другую. Пока ставит подпись, ребёнок толкается под его ладонью в воспоминании, хотя Голубки рядом нет.

Получательница в настоящем сжимает датчик. Один раз. Не остановка.

Память продолжается скачком.

Вечер. Кроватка собрана. Цвет голубовато-серый. На бортике зелёная лента. Голубка красила сама. Пахнет эмалью и мокрой тканью.

На кровати открыт чемодан. Клиент складывает рубашки.

— На сколько? — спрашивает Голубка с кухни.

— Дней на десять. Может, меньше.

— Ты сказал, что отказался.

— Я сказал, что не могу тогда.

— Тогда? Это было вчера.

Он сворачивает ремень, пытается засунуть между рубашками. Не помещается. Достает одну, перекладывает.

— Начало через два дня. Вернусь за две недели до срока.

— Если срок будет по календарю.

— Врач сказала, всё нормально.

— Врач сказала беречься.

— Ты и будешь. Соседка зайдёт. Твоя мать может приехать.

— Я сейчас не про себя.

Клиент останавливается.

— Это один проект.

— Знаю.

— Мы закроем долги. Снимем квартиру без грибка и пятен на потолке. Купим нормальную коляску.

— Знаю.

— Что тогда?

— Ничего.

Её «ничего» тяжёлое.

— Мне вообще не работать?

— Я такого не говорила.

— Но думаешь.

— Ты всегда лучше знаешь.

— Не начинай.

— Я просто спрашиваю.

Он захлопывает чемодан. Молния расходится. Прижимает крышку коленом.

Голубка подходит, вынимает одну рубашку.

— Эта грязная.

— Чистая.

— Подмышкой пятно.

Он смотрит. Едва заметно.

— Там никто не увидит.

— А я уже увидела.

Она несёт рубашку к раковине. Включает воду. Клиент стоит за спиной. Хочет обнять. Не обнимает.

Когда вода выключается, он снова прижимает крышку чемодана и застёгивает молнию.

Утром они едут на вокзал вместе. Платформа мокрая. Электричка опаздывает. С крыши течёт между ними.

Голубка держит пакет с едой.

— Не поднимай тяжёлое, — говорит клиент.

— Ты уже говорил.

— Вызови врача, если что-нибудь.

— Нет. Буду ждать естественного отбора.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Протягивает пакет.

— Тут бутерброды. Один без огурца.

— Я ем огурцы.

— Ты снимаешь их и складываешь мне в тарелку.

— Это я так ем. Через тебя.

Она улыбается. Он решает, что прощён. Слишком быстро, но поезд уже подходит.

Ставит чемодан в тамбур, возвращается поцеловать. Живот между ними. Ребёнок толкается. Он прижимает ладонь.

— Видишь? Разрешает.

— Он хочет, чтобы ты убрал руку.

Двери закрываются.

Клиент смотрит через стекло. В памяти Голубка машет. В настоящем получательница шепчет:

— Не махала.

Отмечаю расхождение. Голосом не отвечаю. Внутри память идёт дальше.

За первой станцией вина становится тише. Клиент достаёт камеру, проверяет объектив.

Через четыре дня он стоит на палубе ржавого корабля. Ветер рвёт куртку, море летит в лицо. Камера тяжёлая, руки замёрзли. В наушниках режиссёр группы кричит, что свет

уходит.

Телефон вибрирует в кармане.

Один пропущенный. Потом второй. Соседка.

Клиент отвечает, не выключая камеру.

Ветер съедает половину слов.

«Больница».

«Раньше».

«Не дозвонились».

Камера продолжает снимать ещё двадцать три секунды после того, как он её опускает.

Серое море. Чужие сапоги. Канат бьётся о борт корабля.

Его рука не может найти кнопку остановки.

ЧАСТЬ II. ГОЛУБКА

7. Белая комната

До города нет прямого рейса.

Клиент сначала едет в кабине грузовика, где колени упираются в панель и водитель без конца жуёт семечки; потом в чужой машине, пропахшей бензином и яблоками; потом ночным поездом, который стоит на каждой тёмной станции, хотя выходить там некому. Память не сохраняет дорогу целиком. Оставляет только то, что не давало заснуть: телефон без связи, чужой храп на верхней полке, стакан кипятка, который невозможно пить.

Сообщение соседки приходит между станциями: «Она жива. Ребёнок в реанимации».

Клиент читает слова отдельно.

Она жива.

Ребёнок.

На вокзале пять утра, город пустой, и клиент ловит первую машину, обещая вдвое больше обычного. Водитель всё равно едет медленно и объезжает каждую яму.

— Быстрее можно?

— Вода кругом.

— Я доплачу.

Клиент хочет крикнуть. Не кричит, потому что боится начать.

Белый коридор появляется раньше больницы.

Память уже знает, куда едет, и подсовывает конечную точку между кадрами. Лицо водителя на секунду закрывает медицинская маска. Светофор вытягивается в лампу над дверью. В запахе автомобильного освежителя возникает варёный лук.

На одном повороте под ногами вместо коврика машины чувствуется гладкий больничный линолеум. У старого порта проходит холод и исчезает, когда водитель тормозит.

Посылаю получательнице короткий импульс в запястье. Не объяснение, просто кусок настоящего.

— Вы у себя дома, — говорю поверх памяти. — Воскресенье. Лежите на диване. В левой руке датчик.

Она нажимает один раз.

Здесь.

Клиент уже в больнице.

За стеклом регистратуры женщина спрашивает паспорт, полис и степень родства. Он отвечает слишком громко, она записывает слишком медленно.

— Жена на третьем этаже, — говорит женщина. — Ребёнок в интенсивной терапии. Сначала к врачу.

— Что с ним? Он жив?

— Врач всё объяснит.

— Вы можете сказать, жив он или нет?

Женщина снимает очки. Лицо у неё такое, будто клиент просит нарушить устройство мира.

— Пока жив.

«Пока» становится главным словом.

Врач молодой, под халатом футболка с нарисованным солнцем. Он говорит о сроке, весе, лёгких и кровоизлиянии. Клиент слышит каждое слово, но вместе они не складываются.

— Шансы?

Врач называет число.

Память его стирает. Оставляет движение губ и взгляд чуть в сторону.

— Я могу увидеть?

— На минуту.

Нужно снять часы, кольцо и куртку, надеть халат, шапочку, маску и бахилы, вымыть руки до локтей. Клиент делает всё быстро. Сестра заставляет повторить.

— Между пальцами тоже.

— Я мыл.

— Помойте ещё раз.

Вода горячая. Мыло без запаха. На большом пальце рана от отвёртки. Кожа размокает, щиплет.

Ребёнок лежит в прозрачном боксе.

Слишком маленький. Не тот, с которым они разговаривали через живот. Красный, сморщенный, в проводах. Грудь дрожит часто и неглубоко. На лице трубка. Одна ладонь рас-

крыта рядом с головой. Пальцы тоньше спичек.

Клиент ищет сходство.

Находит свой подбородок. Её лоб. Ухо собственного отца.

— Можно коснуться?

Сестра открывает круглое окно.

— Одним пальцем. Без резких движений.

Клиент касается ступни.

Кожа тёплая, почти прозрачная. Ребёнок дёргает ногой.

Клиент решает, что тот узнал.

Обещание возникает сразу — не словами, а плотным чувством под рёбрами.

Если останешься, я тоже останусь.

Не уеду.

Не испугаюсь.

Стану другим человеком задним числом.

Аппарат пищит. Сестра просит выйти.

— Я только пришёл.

— Сейчас нужно выйти.

— Что случилось?

— Обычная коррекция.

Слово «обычная» звучит хуже тревоги.

Голубка лежит в палате у окна. На тумбочке стакан мутной воды и нетронутая тарелка супа с варёным луком. Вот откуда запах.

Лицо отёкшее, волосы прилипли к вискам, на простыне у локтя пятно йода. Клиент останавливается в дверях.

В памяти он видит её взгляд. В голове мысль: обвиняет.
Она просто смотрит.

— Ты приехал, — говорит.

— Конечно.

— Ты его видел?

— Да.

— На кого похож?

Клиент садится.

— На маленького старичка.

Она смеётся. Один короткий звук. Потом закрывает лицо ладонью и начинает плакать.

Он обнимает. Она не отвечает, но и не отталкивает. Под рукой её затылок, больничная ткань, мокрая щека у шеи.

Под рёбрами сводит так, будто там появился отдельный больной орган. Большой. Бесполезный.

— Всё будет хорошо, — говорит.

Она перестаёт плакать.

— Не говори.

— Врач сказал, шансы есть.

— Не говори так.

— Почему?

— Потому что ты не знаешь.

— Что я должен говорить?

— Ничего. Посиди.

Клиент сидит секунд сорок.

Потом начинает рассказывать, как добирался: про грузо-

вик, поезд, водителя и корабль.

Голубка закрывает глаза.

— Ты устал, — говорит.

— Неважно.

— Поспи. Тебе нужно.

— Я останусь тут.

— Здесь нельзя на ночь.

— Посижу в коридоре.

— Хорошо, — говорит она, опустив голову.

Её согласие обижает.

Клиент остаётся на стуле. В коридоре катят тележку с чистым бельём.

8. Нужный человек

Три дня сливаются.

Белые коридоры.

Кофе из автомата.

Пластиковый стул, который режет спину.

Короткие визиты к боксу.

Голубка сцеживает молоко, которое ребёнку пока нельзя давать. Клиент носит контейнеры в отделение, подписывает время, следит за температурой. Чувствует себя полезным.

На второй день ребёнок открывает глаза. Возможно. Память показывает тёмную щель и сразу достраивает взгляд.

Клиент снова обещает.

Снять фильм.

Посадить дерево.

Научить плавать.

Не кричать.

Не исчезать.

Голубка почти не разговаривает, только спрашивает цифры с монитора. Вес. Давление. Сколько съел. Клиент отвечает, даже когда не спрашивали его. Он уже выучил расписание врачей и фамилии сестёр. Знает, в каком автомате не застревает стакан. Где можно зарядить телефон. Кому дать денег, чтобы пустили после десяти.

Нужный человек.

Только рядом с ней не знает, куда деть руки.

На третью ночь засыпает в коридоре.

Снится северное море. Ребёнок идёт по воде в оранжевой куртке, слишком большой для тела. На шее камера. Оборачивается и говорит голосом Голубки:

— Ты опять поставил бортики наоборот.

Клиента будит врач в футболке с солнцем.

Лицо сообщает всё раньше слов.

— В два сорок семь произошла остановка. Мы проводили реанимационные мероприятия...

Дальше память теряет звук.

Клиент смотрит на рисунок под халатом. Жёлтый круг. Восемь лучей. Один стёрт. Думает, что нельзя надевать такую футболку для таких разговоров. Думает долго и подробно, чтобы не понять сказанное.

— Жена? — спрашивает.

Врач отвечает, но звука всё ещё нет.

Клиент идёт в палату.

Голубка сидит на кровати. Уже знает. Тарелку супа давно убрали, но запах лука остался. На коленях детское одеяло. Белое, с зелёной каймой.

Он останавливается у двери.

Она поднимает глаза.

Внутри клиента возникает уверенность: если сейчас подойти, он развалится. Не заплачет. Именно развалится физически, и собирать придётся ей. Поэтому остаётся у двери.

Голубка протягивает руку.

Он не двигается.

Через секунду она опускает руку на одеяло.

Получательница в гостиной дважды сжимает датчик.

Красный сигнал.

— Останавливаем? — спрашиваю.

— Да.

Голоса почти не слышно, но повторно не уточняю. Отсоединяю кассету раньше, чем память успевает перейти в палату.

Белый коридор складывается к центру. Футболка с солнцем остаётся последней: жёлтый круг, восемь лучей, один стёрт. Потом пропадает звук. Запах варёного лука держится ещё секунду.

— Где вы?

— Дома.

— День?

— Воскресенье.

— Что держите?

— Датчик.

Левая рука не разжимается.

— Можно отпустить.

Она смотрит на пальцы, будто команда относится не к ней.

— Он подошёл? — спрашивает.

— До двери.

— Хорошо.

Клиент в последнем кадре переносит вес на правую ногу.
Контур гаснет прежде, чем он делает шаг.

9. Верхний слой

После выхода гостиная возвращается слишком быстро.

Влажный воздух. Серый диван. Пальма. Кошка под столом.

Получательница лежит с закрытыми глазами. Пальцы левой руки всё ещё сжаты вокруг датчика, хотя красный сигнал уже погас. Разжимаю их по одному. Большой отпускает последним.

— Где вы?

— Дома.

— Какой день?

— Воскресенье.

— Что произошло?

Она открывает глаза.

— Я остановила.

— Верно.

— Значит, этого достаточно.

Снимаю контакт. У основания черепа остаётся холод, будто разъём всё ещё внутри.

— Пакет не повреждён, — говорю. — Продолжить можно с этой точки. Понадобится новый скан и повторное согласие.

— Не сейчас.

— Да. Я понимаю.

Не спрашиваю, когда.

Остаточный след у неё тридцать восемь. У меня двадцать восемь. До конца наблюдения никто никуда не едет.

Получательница садится. Смотрит на собственные колени, потом на мастерскую за стеклянной дверью.

— Мне нельзя работать?

— С растворителями и оборудованием — нельзя. Ходить можно. Решения с юридическими последствиями лучше отложить.

— «Лучше» или обязательно?

— Обязательно только не садиться за руль и не оставаться одной.

Она кивает. Встаёт без помощи. На третьем шаге останавливается возле барной стойки и берёт белую салфетку. Складывает пополам. Ещё раз. Получается маленький прямоугольник. Она смотрит на него, разворачивает и выбрасывает.

— Что-то вспомнили?

— Нет.

Правильный ответ. Не обязательно честный.

В мастерской поворачивает к себе третье полотно. Верхний край блестит сильнее середины. Разницу замечаю только потому, что она проводит ладонью в воздухе, не касаясь поверхности.

— Снимать или оставить, — говорит.

— Вы про лак?

— Я это не вам.

Достаёт телефон. Звонит помощнице, которая лежит с температурой. Не спрашивает, стало ли лучше. Сначала велит не приезжать. Потом уточняет, есть ли дома еда, и заказывает доставку на её адрес.

Следующий звонок — перевозчику.

— Ящик номер три не забирайте. Первый и второй тоже... Потому что партия уходит вместе... Нет, подпись мужа не подойдёт. Перенесите на четверг.

Слушает.

— Тогда отменяйте машину. Штраф выставляйте мне.

Отключается.

Телефон получательницы звонит со школьного номера. Она отвечает не сразу.

— Да, занятие будет. Нет, сегодня не отменяем... Меня не будет, проведёт коллега. Пусть дети не трогают растворитель, даже если она скажет, что можно. Особенно если скажет.

Слушает, закрыв один глаз.

— В четверг. К десяти. Я помню.

После разговора записывает четверг на бумажке, хотя дата уже стоит в календаре. Бумажку кладёт под чашку с остывшим чаем. Чашку потом замечает, выливает холодный чай в раковину и моет вместе с остальной посудой.

— Как я помню, в среду работа должна быть на таможне, — напоминаю.

— Уже не должна.

— Вы только что приняли решение с юридическими последствиями.

— Нет. Решение я приняла до передачи. Сейчас сообщила.

Проверить невозможно. Только она знает правду.

Кошка проходит между ног и трётся о её тапок. Получательница наклоняется, но рука направляется не к кошке. Ладонь поворачивается вверх, большой палец касается середины, будто там помещается чья-то ступня.

Она выпрямляется.

— В доме пахнет луком?

Пахнет озоном, влажной землёй и лаком.

— Нет.

Открывает окно. Сверху, на несколько сантиметров. Проверяет щель пальцами.

Раз в десять минут я спрашиваю, и отвечают двое: она и приборы. Давление. Пульс. Место. День. Между проверками она диктует помощнице список работ, фотографирует блеск у края и делает пометку на малярной ленте: «Снять верхний слой. Не шлифовать до среды».

Я сижу в том же кресле. Кошка занимает подлокотник и понемногу отвоёвывает рукав.

Муж возвращается без пяти два. В одной руке продукты, в другой рулон упаковочной плёнки. Видит снятые контакты, потом жену в мастерской. Вопрос выбирает не тот, которого я жду.

— Курьера перенесли?

— Отменила.

— Галерея знает?

— Сейчас узнает.

Он ставит продукты и подходит к третьему полотну.

— Я не вижу.

— Потому что смотришь прямо. Встань сюда.

Муж становится на отмеченную плитку. Получательница включает боковую лампу. Блеск собирается в длинную мутную полосу.

— Теперь вижу.

— Вскрой ящик.

— Тебе нельзя работать.

— Поэтому вскрой ты.

Он не спорит. Берёт нож и разрезает плёнку вдоль шва. Получательница следит, чтобы лезвие не ушло к холсту. Один раз говорит «левее». Второй раз молчит и передвигает лампу.

Телефон соединяет её с галереей. Там предлагают отправить две работы, третью довести позже, и просят решить до вечера.

— Серия не делится. Я уже решила.

Муж снимает последнюю полосу плёнки. Она прилипает к рукаву. Получательница освобождает ткань двумя пальцами.

— Пропустишь открытие, — говорит он, когда звонок заканчивается.

— И перевозку, таможенное окно, часть страховки.

Он ждёт.

— Но это полоса, — добавляет она.

— Полоса.

Никаких «ты столько работала» и «всё равно никто не заметит». Хороший муж. Или выдрессированный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.